

ПОНЯТИЕ «ИМПЕРИЯ»

В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

А.А. Тесля, к.филос.н.

Тихоокеанский государственный университет (ТОГУ), г. Хабаровск,
доцент кафедры «Философии и культурологии»

В современной историографии российской истории в последнее десятилетие наблюдается активное обращение к понятию «империи». Данный процесс связан с широким развитием исследований национализма и империй с 80-х годов прошлого века (знаковыми в этой области являются работы Б. Андерсона и Э. Гелнера). Если ранее понятие «империи» применялось как правило без серьезной теоретической рефлексии, то на современном этапе в нем видят одно из средств концептуального анализа российской истории XVIII – XX вв.

Мы считаем небесполезным попытаться выделить основные способы использования понятия «империя» в современной историографии. Таковых, на наш взгляд, четыре:

1. «Традиционный», «советологический» подход, восходящий к публицистике. Понятие «империи» в данном случае ценностно нагружено, что и определяет его предпочтительное использование. Например, в работах Р. Пайпса («Россия при старом режиме», 1981; «Русская революция», 1990) понятие «империи» используется в двух планах: (а) для обозначения традиционного способа господства над территорией – модели правления, характерной для Российского государства с XVI века и (б) для указания на неизменную природу российской власти, воспроизводящей ограниченное число способов управления разнородным и слабо структурированным обществом, с минимальными структурами гражданского общества и обуславливающим слабость последних отсутствием частной собственности. Империя выступает как одна из разновидностей авторитарного правления, причем в подобном значении важны традиционные негативные коннотации используемого термина.

2. «Терминологический» подход отказывается от экспликации понятия «империя», опираясь на самоназвания или традиционные обозначения тех или иных государственных образований в качестве «империй». Д. Ливен («Российская империя и ее соперники», 2002, стр. 640), например, прямо отказывается от попыток дать определение используемому им понятию «империя», полагая, что подобные попытки искажают самый предмет исследования («я считаю себя слишком серьезным историком, чтобы свести всю историю империи к набору формул., даже если бы я считал такое задание выполнимым»). Подобный подход вряд ли может рассматриваться в качестве научного, поскольку не способен ясным образом сформулировать предмет собственного изучения (характерна подмена, осуществляемая в приведенной цитате – требование понятийного определения «империи» отождествляется со сведением всей истории империи к «набору формул»). На практике подобный историографический подход легко вырождается в публицистику, в лучшем случае намечая некоторые заслуживающие внимания аналогии, оставляя их без серьезного анализа.

3. «Феноменологический» подход развернуто представлен в т.н. школе «новой имперской истории» («Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей», 2004). Данное направление ориентировано преимущественно на историческое описание практик Российской империи – понятие призвано в первую очередь зафиксировать данный исторический объект во времени и в пространстве (XVIII – нач. XX в.) и тем самым позволить осуществить как «плотное описание» самого объекта, так и его сопоставление с иными объектами (современными Российской империи другими европейскими государствами, предшествующими и последующими государствами на том же пространстве: Московским царством, постсоветскими государственными образованиями и т.д.)

4. «Структуралистский» (или, возможно, «постструктуралистский», поскольку ведущие представители данного подхода в отечественной историографии ориентированы на «историю знания» в рамках моделей М. Фуко)

подход представлен на данный момент преимущественно группой историков, объединенной исследовательским проектом «Окраины Российской империи» (2006 – 2010 гг.). В центре внимания – исследование Российской империи в контексте однородных проблем и методов их разрешения западноевропейскими и Османской империями XVIII – нач. XX вв. Структуралистский подход позволяет, по мысли авторов, снять, с одной стороны, ложный тезис о «специфике российской истории», индивидуализирующий объект своего изучения и тем самым делающим невозможным сравнительный анализ; с другой – выявить своеобразие практик Российской империи.

Последние два подхода, при акцентируемых их представителями различиях, представляются, на наш взгляд, не взаимоисключающими и способными, в отличие от первых двух, дать долговременный научный результат.